

1002

ЦЕНТРПОЛИГРАФ

HARLEQUIN®

Кэти Уильямс

**ПРЕДСТАВЬ
НАС ПАРОЙ**

Подари себе мечту

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Кэтти Уильямс
Представь нас парой
Серия «Любовный роман
– Harlequin», книга 1002

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63317586

Кэтти Уильямс. Представь нас парой: Центрполиграф; Москва; 2020

ISBN 978-5-227-09106-2

Аннотация

Властного богача Матиаса Сильву больше интересуют сделки на миллионы долларов, чем серьезные отношения с женщинами. Ситуация меняется, когда к нему приезжает подруга детства Джорджи Уайт и заявляет, что его мать думает, будто они встречаются. И Матиас, заботливый сын, соглашается сыграть роль возлюбленного Джорджины, но он боится, что эта романтическая барышня начнет путать выдумку с реальностью и в итоге останется с разбитым сердцем.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	26
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Кэтти Уильямс

Представь нас парой

Все права на издание защищены, включая право воспроизведения полностью или частично в любой форме.

Это издание опубликовано с разрешения Harlequin Books S. A.

Товарные знаки Harlequin и Diamond принадлежат Harlequin Enterprises limited или его корпоративным аффилированным членам и могут быть использованы только на основании сублицензионного соглашения.

Эта книга является художественным произведением.

Имена, характеры, места действия вымышлены или творчески переосмыслены. Все аналогии с действительными персонажами или событиями случайны.

Marriage Bargain with His Innocent © 2018 by Cathy Williams

«Представь нас парой»

© «Центрполиграф», 2020

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2020

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав.

Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя.

Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Глава 1

Джорджина еще раз окинула взглядом роскошный особняк в георгианском стиле и тихо вздохнула. Что ж, ничего другого она и не ожидала.

Испытывая смешанные чувства, она нерешительно потянулась к дверному звонку.

В конце концов, чтобы доехать сюда, она несколько часов тряслась в поезде и не собиралась стыдливо уползать, не сказав владельцу этого шикарного дома в Кенсингтоне – человеку, которого знала с детства и в которого была очень некстати влюблена в шестнадцать лет, – что-то вроде: «Послушай, ни за что не угадаешь, что произошло... Могу поспорить, тебе никогда бы и в голову не пришло, что мы с тобой будем встречаться!»

Матиас понятия не имел, кто звонит в его дверь, но, кто бы это ни был, он заслуживал орден за самое своевременное вмешательство в истории человечества.

Увешанная драгоценностями блондинка, сидевшая на его кожаном белом диване и не перестававшая визжать последние минут сорок, тут же вскочила с места и поспешила за ним.

– Я не дам тебе порвать со мной! – орала она, следуя за Матисом из гостиной в прихожую. – Я уже всех предупредила, что ты пойдешь со мной на вечеринку на следующих

выходных! Я купила платье! У тебя еще кто-то есть, да? Кто она? Я знаю ее? Как ты мог так поступить со мной? Я люблю тебя! Я думала, ты тоже любишь меня!

Матиас, который перестал отвечать на ее вопросы еще десять минут назад, распахнул входную дверь и встал как вкопанный, увидев перед собой Джорджину.

– Привет, Матиас. Кажется, я не вовремя?

Ей отчаянно хотелось унести ноги, потому что хоть она и приготовилась к встрече со сногшибательным Матиасом, каждый раз при виде его чувствовала себя сраженной наповал.

У нее пересохло во рту, сердце бешено колотилось, а мысли путались... Вот что чувствуешь, когда твои гормоны обезумели, потому что тебя привлекает парень, за которым с тринадцати лет бегают толпы горячих цыпочек. Джорджи не афишировала свою дурацкую влюбленность в Матиаса, но до сих пор краснела от стыда, потому что считала себя последней, на кого он обратил бы свое внимание.

– Джорджи, какого черта ты тут делаешь?

– Не очень любезное приветствие старого друга, ты не находишь?

– Что-то с матерью? – требовательно спросил он.

– Кто вы? – материализовалась рядом с ним какая-то дамочка.

Интересно, ему когда-нибудь надоест встречаться с женщинами, похожими друг на друга словно клоны, – высочен-

ными блондинками с фигурами моделей и броским стилем, который заключался в том, чтобы носить как можно меньше одежды даже глубокой зимой.

На этой были надеты микроскопическая красная юбочка и крошечная красная маечка, потому что сейчас был самый разгар лета.

– Ава, тебе пора.

– Матиас, мы еще можем все исправить!

– Исключено, – покосившись на Джорджину, мрачно заявил он и, взяв со столика в холле дизайнерскую сумочку, вручил ее блондинке и выпроводил последнюю за дверь. – Ты заслуживаешь лучшего, чем я.

– Матиас, ты проявил столько такта, смягчив удар заверениями, что она сможет найти себе кого-то получше, – с иронией заметила Джорджина, когда они остались вдвоем.

И что они находили в нем? Да, он был богат и красив. Но в остальном... В нем не было ничего примечательного. И по иронии судьбы ей придется сказать ему, что они тайно встречаются, безумно любят друг друга и у них страстный роман, которому суждено закончиться... бог его знает чем.

– Ну? – не глядя на нее, спросил Матиас.

Он прошел на кухню и налил себе стакан виски, запоздало предложив Джорджине составить ему компанию и явно не ожидая, что она примет его предложение.

– С твоей мамой все в порядке. Если можно так сказать.

– Джорджи, у меня выдался адский денек, поэтому давай

обойдемся без загадок. Тем более это не в твоём стиле ходить вокруг да около. Я говорил с матерью два дня назад, и мне показалось, что она в полном порядке. Так что стряслось?

– Ничего. Её здоровье не ухудшилось. То есть она все ещё слаба после инсульта, и её речь не совсем в норме, но она выполняет все упражнения, которые рекомендовал ей доктор.

– Чудесно.

– У тебя такой красивый дом. – Джорджина никак не могла набраться храбрости озвучить то, с чем, собственно, пожаловала. – И я вообще-то не против выпить.

– Виски?

– Вина, если можно. Спасибо.

– Предупреждаю, оно не органическое. Хотя невероятно дорогое. Так что подумай хорошенько, прежде чем выплеснуть его в раковину из-за того, что оно не соответствует твоим высоким стандартам.

Матиас достал из холодильника бутылку сабли и искоса взглянул на свою неожиданную гостью. Она была одета, как обычно, в какую-то мешковатую одежду, не имевшую ничего общего с понятием женственности... Настоящее буйство цветов, ни один из которых не подходил женщине невысокого роста, с пышной грудью и ярко-рыжими волосами.

Неужели так тяжело сделать над собой усилие?

– Очень смешно, – фыркнула Джорджина.

– Мы оба знаем, насколько активно ты ратуешь за орга-

ническое земледелие. Я ни за что бы не встал на пути твоей социальной ответственности.

– Ты бываешь ужасно невыносим, – рассматривая его шикарную кухню, буркнула она.

– Будь я другим, ты бы заскучала, – пробормотал Матиас, удерживая ее взгляд дольше необходимого, а потом опустил глаза, чтобы она не смогла разглядеть их выражение. – Что бы ты делала с милым, вежливым Матиасом?

Она в ответ густо покраснела.

– Я потратила кучу времени, чтобы добраться сюда. Быть вежливым – это самое меньшее, что ты можешь сделать.

– Да, потратила, – задумчиво протянул он. – И мне не терпится узнать, с какой целью. По правде говоря, я сгораю от любопытства. Ты ведь никогда раньше не бывала у меня в гостях?

– Ты ведь знаешь, что нет.

– Мне кажется, ты вообще никогда не выбиралась из этой дыры.

– Почему ты так не любишь Корнуолл? Неужели ты не испытываешь никакой привязанности к месту, где ты рос?

– Нет. Итак, вернемся к нашему разговору, Джорджи... – Он окинул ее взглядом с головы до ног, подобно акуле, которая нарезала круги вокруг своей жертвы, медленно, основательно и с большим интересом. – Если ты здесь не для того, чтобы поговорить о моей матери, тогда что ты тут делаешь? Хотя твой приезд оказался весьма кстати.

Он сел в кресло и пододвинул к себе еще одно, чтобы вытянуть свои длинные ноги.

Джорджина начала с того, что высказала свое мнение, заявив, что его мать в отчаянии из-за того, что его девушки сменяют друг друга со скоростью света, потому что в том, что касается женщин, ее сын ведет себя как ребенок в магазине сладостей.

Глаза Матиаса весело блеснули, и она оборвала свою речь на полуслове. Не хватало только, чтобы он вывел ее из себя.

Джорджина старалась смотреть на него спокойно и холодно. А это стоило немало усилий, ведь она считала Матиаса Сильву самым привлекательным из мужчин. В нем сочетались экзотические гены отца-аргентинца и удивительная красота матери-англичанки.

Джорджина давно простила себя за свою юношескую влюбленность. Еще бы не пожирать его глазами, как сейчас...

Матиас обладал идеальной внешностью, а смуглая кожа и немного длинноватые иссиня-черные волосы спасали его от того, чтобы быть еще одним просто красивым парнем.

– Вообще-то я приехала именно из-за твоей матери. Но можно я немного отдохну? Я чертовски устала.

– Ты не голодна?

– Я съела пару бутербродов в поезде.

– Я отвезу тебя куда-нибудь поужинать.

– Вряд ли мой наряд сгодится для ресторанов, в которых

ты предпочитаешь появляться.

– Откуда ты знаешь, какие рестораны мне нравятся?

На его губах заиграла улыбка, напомнившая ей о временах, когда, несмотря на их очевидную разницу во взглядах, они прекрасно ладили друг с другом.

– Потому что я умна. – Ей вдруг стало жарко. – Это очень мило с твоей стороны. Но... э-э-э... нет, спасибо. Я охотнее прогуляюсь по твоему чудесному дому.

Джорджина набрасывала свой план поспешно, действуя по обстоятельствам и поддавшись импульсу, не имея времени обдумать все детали, не говоря уже о его очевидных минусах. А потом было слишком поздно что-либо менять.

Роуз Сильва поверила, что ее сын наконец-то решил остепениться, если не с девушкой его мечты, то определенно с той, которую она сама хотела видеть в своих невестках. Роуз обожала Джорджину.

Наконец у нее появилось то, ради чего стоило жить. Она получит невестку, которую любила, а ее сын станет добропорядочным семьянином и бросит развлекаться с женщинами, которые абсолютно ему не подходили. А там и до внуков рукой подать. Все в этом мире встанет на свои места.

Когда Джорджи намекнула, что встречается с Матиасом, Роуз пришла в такой восторг, что первая с трудом подавила его. Непродуманная, но с благими намерениями сказанная маленькая ложь зажила своей жизнью со скоростью выпущенной в космос ракеты. Джорджина не успела перевести

дух, как Роуз расписала будущее и разложила его по полочкам.

– Пожалуйста, ничего не говорите Матиасу, – взмолилась Джорджина, ужаснувшись при мысли, что Роуз позвонит сыну, чтобы поздравить с тем, о чем он не имел ни малейшего представления. – Мы... э-э-э... собирались сказать вам эту новость вместе... Что мы просто встречаемся... Кто знает, чем все это закончится?..

Джорджину прошиб холодный пот от того, что она наговорила Роуз, и она поспешила в Лондон. Ей, как новоиспеченной девушке Матиаса, следовало ознакомиться с его домом.

– Хочешь посмотреть мой дом? Зачем?

– Интересно узнать, чем он лучше Корнуолла, который ты так не любишь.

– Отчего у меня такое чувство, что здесь кроется какой-то подвох? – склонив голову набок, пристально посмотрел на нее Матиас.

– Не хочешь показывать дом, не надо.

– Выпей, Джорджи. Может, тогда ты скажешь мне, что именно привело тебя сюда.

– С чего ты такой подозрительный?

– Потому что я не вчера родился. И ко всему, я знаю тебя. Можно сказать, я знаю тебя лучше, чем остальных женщин. Ты здесь не просто так, и, если не потому, что мать хочет, чтобы я приехал в Корнуолл, потому что она плохо себя чув-

ствуешь, значит, ты приехала по другой причине, но ты слишком боишься говорить правду. Дело в деньгах?

Матиас резко остановился на пути в гостиную и взглянул на Джорджину. Он оказался так близко, что она уловила слабый запах его дорожущего лосьона после бритья и машинально сделала шаг назад.

– Думаешь, я приехала, чтобы попросить... денег? И ты еще говоришь, что знаешь меня?

– Здесь нет ничего такого, – пожал плечами Матиас. – Ты удивишься тому, как много людей лезет со всех щелей, узнав, что у меня есть деньги, и ожидая, что я облагодетельствую их.

– Но зачем мне просить у тебя денег? У меня есть работа! Я занимаюсь фотосъемкой еды! По твоим непомерным стандартам я зарабатываю не очень много, но мне более чем хватает на жизнь! Так с чего ты решил, что я пришла к тебе, чтобы взять взаймы?

– Понятия не имею. Кто знает, в какие финансовые проблемы ты могла вляпаться?

Матиас развернулся, и Джорджина посмотрела на него, кипя от возмущения. Никто не выводил ее из себя так, как Матиас Сильва. Но он был прав. Они знали друг друга, хотела она признавать это или нет.

На ее глазах он превратился в неприступного и отстраненного человека, когда выиграл стипендию в одной из школ-пансионов в Винчестере. Притворный интерес к органиче-

ской ферме родителей тут же исчез. Постоянным спутником Матиаса стали амбиции.

Не стоило удивляться его предположению, что она неожиданно появилась на пороге его дома, рассчитывая получить милостыню. Для Матиаса в этой жизни деньги были единственным, что имело смысл. Когда он рос, их было недостаточно, и он приложил усилия, чтобы компенсировать их нехватку.

И неудивительно, что Джорджи с Матиасом действовали друг другу на нервы, ведь они не имели ничего общего, как небо и земля? Она любила поспорить, а он славился своей сдержанностью. Ее не интересовали деньги, а он только и думал о них. Она любила Корнуолл, а он не мог дождаться, чтобы сбежать оттуда. Джорджина обожала его родителей, тогда как Матиас втайне презирал их.

– Ну, Джорджи, выкладывай. Тебе нужны деньги? Ты жила не по средствам? – с преувеличенным интересом спросил он. – Тут нечего стыдиться. Хотя, подожди... Кажется, я понимаю причину твоего смущения, учитывая твой благочестивый взгляд на жизнь, о котором за последние десять лет ты прожужжала уши всем, кому только можно.

Джорджина заскрежетала зубами и сжала руки в кулаки.

– Матиас, я приехала к тебе не за деньгами.

– Я так и подумал.

Он продолжил водить ее по дому, открывая двери и не утруждая себя объяснениями о предназначении каждой из

комнат.

– Почему?

Джорджина не удивилась, увидев шикарную обстановку его дома, отделанного в стиле минимализма. Здесь царил белый цвет, на стенах висели большие, стоявшие немалых денег полотна абстракционистов. Повсюду было много хромированных поверхностей. В общем, все самое лучшее, что можно купить за деньги. Матиас изучал математику и экономику в университете и окончил его, получив работу в инвестиционном банке. Вскоре он заработал свой первый миллион и отправился в свободное плавание, скупая компании на грани банкротства и оптимизируя их. Параллельно он инвестировал в недвижимость. К тридцати годам Матиас выстроил целую империю и обладал таким количеством денег, истратить которое жизни не хватит.

Неудивительно, что Роуз побаивалась своего единственного сына-миллиардера.

– Он всегда был немного гением, – однажды тоскливо заметила она. – Вот почему его никогда не привлекала обычная жизнь. Ему хочется большего...

– Джорджи, – прервал ход ее мыслей Матиас, – глядя на тебя, не надо быть гением, чтобы догадаться, что ты не питаешь интереса к тому, что может повлечь за собой долги.

– Что ты хочешь этим сказать?

– По тебе не скажешь, что ты ведешь разгульную жизнь. Если ты питаешь слабость к брендовой одежде, скоростным

авто и драгоценностям, тогда ты чертовски хорошо это скрываешь. Я бы ни за что не поверил, что ты, в детстве вся такая бережливая и экономная, превратишься в транжиру, — пояснил Матиас. — Хочешь продолжить осмотр дома и подняться наверх?

Он хоть понимал, насколько обидными могли быть его слова?

— Или ты уже отдохнула и наконец скажешь, зачем приехала? Может, ты и перекусила в поезде, но я зверски проголодался. Я закажу еду на дом. Но если хочешь посмотреть остальные комнаты, я сделаю заказ позже.

— Нет. Я не хочу наверх, — выдавила Джорджи.

Несмотря на неприязнь, которую она испытывала к нему, она всегда слишком легко ассоциировала его со спальнями, ведь он был таким сексуальным, и время не до конца уничтожило остатки ее влюбленности. Джорджина до сих пор время от времени ловила себя на том, что мечтает о Матиасе. К счастью, она научилась не погружаться с головой в эти бессмысленные мечты.

— Хорошо. — Он направился обратно на кухню, попутно заказывая еду по телефону. — Где ты планировала заночевать?

Он взглянул на ее потертый рюкзак цвета хаки, лежавший на полу.

— В отеле.

— Это никуда не годится. Разве ты не собиралась остановиться у меня? Или ты считаешь, что я не ценю всего, что

ты сделала для моей матери и продолжаешь делать? Предоставить тебе ночлег – это самое меньшее, чем я могу отблагодарить тебя.

– Хотя я не единственная, кто должен помогать ей, – покраснев, пробормотала Джорджина.

– Старый приемчик, мы его уже проходили. За эти годы я наслушался от тебя достаточно критики в свой адрес, так что давай ближе к делу.

Его охватило чувство вины, но с чего ему винить себя? Он поддерживал мать финансово, позаботился о том, чтобы она ни в чем не нуждалась. Ему пришлось трудиться в поте лица, чтобы заработать эти деньги, а без них ее жизнь не была бы такой радужной. Когда в доме что-то выходило из строя, он тут же заменял эту вещь чем-то суперсовременным. Теперь кухне его матери мог позавидовать любой профессиональный шеф-повар. А что касается фермы...

Органическая ферма – в чем Матиас убедился много лет назад – была самой настоящей головной болью. Зерновые обладали скверной привычкой падать жертвой насекомых-вредителей. Куры, продержавшиеся на ферме полтора года, становились добычей лисиц или бродили неизвестно где, поэтому их яйца никогда не попадали на полки местных продуктовых лавок.

Хотя, справедливости ради, все это казалось Матиасу меньшим злом, чем рейки-терапия, так называемый приют для осликов или творческая мастерская по производству

украшений, которые предшествовали ферме.

Так что о какой вине может идти речь? Пусть они с матерью и не были близки, но у скольких родителей и детей отношения складывались гладко и без проблем? Матиас считал себя ответственным сыном, и, если мать расценивала его личную жизнь как неудавшуюся, так тому и быть.

Он отмахнулся от несвоевременных воспоминаний и вернулся в реальность, услышав, как извиняется Джорджи.

– Извини? – изумленно переспросил он и расплылся в улыбке. – Ты извиняешься за то, что критикуешь меня? Вот теперь я по-настоящему встревожен. С каких это пор ты просишь прощения за то, что действуешь мне на нервы?

Джорджи проигнорировала его вопрос и продолжила осматриваться по сторонам.

Он хотел нарушить затянувшуюся паузу, но тут в дверь позвонили. Привезли заказ из отличного лондонского ресторана.

– Я заказал еду на нас двоих, – сказал Матиас, вернувшись на кухню и доставая тарелки и вилки с ножами. Потом плеснул в бокалы вина и уселся за стол напротив Джорджины.

Ей не следовало есть, ведь она перекусила в поезде, и не мешало бы сбросить парочку килограммов. Но у нее потекли слюнки при виде рассыпчатого белого риса, зажаренной в вине говядины и овощей...

– Приступай, – сухо пригласил ее Матиас. – Но оставь место для шоколадного фондана.

– Моего любимого.

– Знаю. Я помню, как мы однажды ездили в ресторан у моря с нашими родителями, и ты выпросила у них целых три штуки. Ешь. И сделай милость, скажи, что тебя привело сюда. Я устал ходить вокруг да около.

– Речь идет о твоей матери, но не о ее здоровье, как таком. Как я уже сказала, она идет на поправку, и я знаю, что ты оплатил лучших докторов, лучшую больницу, все самое лучшее... Но здоровье – это не только физическое состояние. Это также расположение духа, а твоя мама с недавних пор находится в депрессии.

– В депрессии? – помрачнел Матиас. – Как такое возможно, если она пошла на поправку? Когда я звонил ей в последний раз, она не казалась мне подавленной.

– Матиас, она не хочет тревожить тебя, – нетерпеливо бросила Джорджина. – Она все время твердит о том, что она не вечна. Роуз ждет результатов какого-то анализа, возможно, именно это не дает ей покоя.

– Результаты анализа? Какого еще анализа? В любом случае он не так важен, потому что доктор ничего мне не говорил. И что за мысли о смерти? Ей немногим больше пятидесяти!

Он расслабился. Если его мать просто стала мнительной, разговор по душам с доктором быстро приведет ее в чувство. Она шла на поправку. А мысли о смерти больше подходили людям преклонного возраста.

Матиаса ждало несколько крупных сделок, а потом он собирался наведаться в Корнуолл. Возможно, он даже останется там на выходные.

— Ей еще жить да жить, — добавил он, заметив, что для человека, который ранее отказывался разделить с ним трапезу, Джорджи по достоинству оценила содержимое своей тарелки. Никто не мог обвинить Джорджину Уайт в том, что у нее плохой аппетит. Хоть какое-то разнообразие после его тощих подружек.

— Матиас, дело в том, что она чувствует... — вздохнула Джорджи и посмотрела на него, о чем тут же пожалела. Он был настолько хорош собой, что у нее замирало сердце. — Роуз считает себя плохой матерью. Ей кажется, что между вами пролегла пропасть и ее невозможно преодолеть. Она мечтает увидеть, как ты остепенишься, обзаведешься семьей, женой, детишками. Роуз призналась, что ей всегда хотелось стать бабушкой, но она боится, что это неосуществимые мечты. Она в подавленном состоянии не потому, что боится смерти, а потому, что оглядывается на свое прошлое и ставит под вопрос настоящее. Я переговорила с доктором Чиверсом... Надеюсь, ты не против.

— Какая теперь разница? — нахмурился Матиас. — Ты ведь уже связалась с ним.

Чувство вины вернулось обратно вместе с возмездием. Похоже, оно было похоронено в очень неглубокой могиле. Мать никогда не впечатлял ни его образ жизни, ни его день-

ги. Так же как и отца, когда тот был жив. Никто из них не сказал ни слова по этому поводу, но их молчание было красноречивее слов.

– Что сказал доктор Чиверс?

– Он говорит, что при других обстоятельствах он бы не волновался. Роуз еще довольно молода. Но из-за тревог и последовавшего за ними стресса есть риск, что ее здоровье может пошатнуться. Она потеряла интерес ко всему, что занимало ее раньше. Похоже, ей больше нет никакого дела до фермы. Она не собирается в клуб садоводов. И все время твердит, что ей незачем жить.

– Тебе следовало позвонить мне и рассказать, что происходит. Я переговорю с Чиверсом. Я плачу этому человеку баснословные деньги. Он должен что-то предпринять. Может, нужно назначить матери какой-то курс лечения...

– Забудь. Это не работает.

– Тогда что ты предлагаешь?

Его показная терпеливость действовала ей на нервы.

– Возможно, тебе понадобится что-нибудь покрепче дорогого сухого вина прежде, чем я скажу, что предприняла по этому поводу.

– Выкладывай.

– Я сказала ей кое-что. Своего рода ложь во благо... – Джорджина вскинула подбородок и с вызовом посмотрела на Матиаса, приготовившись принять бой, если таковой последует. Теперь, когда они подобралась к сути дела, она не на

шутку занервничала.

– Ложь во благо?... И почему у меня по спине пополз неприятный холодок?

– Я люблю твою маму. Я всегда была близка с ней, а сейчас в особенности, после того как мои родители уехали в Мельбурн, куда отца откомандировали на три года в один из местных университетов. Я была рядом, когда с ней случилось это несчастье, и можешь поверить мне, что ее душевный настрой с каждым днем ухудшается. Кто знает, что может случиться?

– Хочешь сказать, что знаешь мою мать давным-давно и тревожишься за нее, несмотря на то, что эксперты уверяют, что все хорошо. Я понял. А теперь, Джорджи, просто скажи, что ты сделала, и хватит влиять.

– Хорошо, Матиас... Я решила немного ободрить твою мать, чтобы она увидела, что ей есть чего ждать от будущего...

– Вдохновляет.

– ...потому что у тебя серьезные отношения и, к счастью, не с одной из тех женщин, которых не одобряет твоя мать.

– Чем больше я слышу, тем больше задаюсь вопросом, есть ли у вас с моей матерью другие темы для разговоров или вы обсуждаете одного меня.

– Мы никогда не говорим о тебе! – вскипела Джорджина, разозлившись на его откровенный эгоизм. – Она поделилась со мной этими вещами только потому, что оказалась в такой ситуации... Уж поверь мне, я никогда не подталкивала ее к

разговорам о тебе!

– Отложим этот вопрос на время. Итак, я состою в отношениях с человеком, которого одобряет моя мать? Надеюсь, как и заведено в сказках, эта закончится хорошо, если только от меня не потребуется представить этот образец совершенства матери. Потому что в таком случае тебе придется как-то выкручиваться.

– Видишь ли, все может оказаться не таким сложным, как тебе кажется...

Джорджина прокашлялась, а потом шумно вздохнула под пристальным взглядом Матиаса.

– Я весь внимание.

– Я сказала твоей матери, что ты встречаешься со мной, – с вызовом выпалила она.

В комнате воцарилась гнетущая тишина, и Джорджина вперилась взглядом в свои сандалии, желая, чтобы земля разверзлась у нее под ногами и поглотила ее целиком.

Насколько по-другому выглядела вся эта история, когда она делилась ею с Роуз. Джорджи видела, как просветлело лицо матери Матиаса, которая от радости даже захлопала в ладоши, и ей стало тепло на душе оттого, что она сделала очень счастливым дорогого ее сердцу человека.

А потом вмешался здравый смысл, но было уже слишком поздно поворачивать назад, и тепло сменилось леденящим душу страхом.

Сейчас, сидя перед Матиасом, она не могла понять, что на

нее нашло. С чего она взяла, что ее идея хорошая? Она отправилась в Лондон, приготовившись отстаивать свою точку зрения, но забыла, каким устрашающим может быть Матиас.

Ну почему здравый смысл не поспевал за ее душевными порывами?

– Прости? – не поверил своим ушам Матиас. – Кажется, я ослышался...

Глава 2

Джорджина отрицательно покачала головой.

– Нет, не ослышался.

– Хорошо. Тогда я повторю твои слова, а ты скажешь, правильно я все понял или нет. Итак, моя мать находится в немного подавленном состоянии...

– У нее все признаки депрессии...

– Которую наверняка можно вылечить с помощью таблеток, потому что – веришь или нет – такие состояния, как депрессия, в самом деле лечатся таблетками. Но ты самостоятельно, не посоветовавшись со мной, решила исключить это практическое решение.

– По-твоему, все так однозначно, но ты ошибаешься. И ты убедился бы в этом сам, если бы почаще приезжал домой!

– Джорджи, отложи на время свою критику. Одним словом, моя мать грустит, мечтает услышать топот маленьких ножек, и, чтобы услужить ей и поднять настроение, ты решила сказать ей чудовищную ложь о том, что мы с тобой встречаемся.

– Матиас, видел бы ты выражение ее лица. Она давно не выглядела такой счастливой. Может, со дня смерти твоего отца.

Только он явно не обрадовался. Его глаза метали молнии. Конечно, Джорджина и не ждала, что он тут же капитулирует.

ет, о таком и мечтать нельзя было, но не собиралась отступать. Она не могла допустить, чтобы его мать начала увядать, страдая хронической депрессией.

Даже после смерти мужа Роуз не смотрела на окружающих таким потухшим взглядом, как сейчас. Тот факт, что диагностические исследования продолжались, только способствовал тому, что она начала верить, будто в жизни ее не ждет ничего хорошего. Она больна, подавлена, и ничего не изменится.

Джорджи только сейчас по-настоящему осознала, что эта женщина давно стала для нее второй матерью. Джорджина была совсем не похожа на свою родную мать, которую очень любила и которая вращалась в университетской среде – мире, абсолютно незнакомом ей. Она не пошла по стопам своих высокоинтеллектуальных родителей. Отец Джорджи преподавал экономику, а мать – международное право, тогда как она чуть ли не с самого младенчества проявляла интерес к творчеству. Спасибо родителям, что никогда не подталкивали ее делать карьеру. И пока они занимались своими университетскими делами, Джорджи сбегала в дом родителей Матиаса, которых обожала за их эксцентричную креативность.

Она правда любила Роуз, и мысль об этом добавила немного выдержки ее слабеющей решимости.

– Если бы я не знал тебя, я бы подумал, что ты рехнулась. Один маленький вопрос, Джорджи. С чего ты взяла, что моя мать поверит, будто мы с тобой встречаемся? Мы все время

ругаемся. И она знает, что мне не нравятся женщины, которые любят поспорить. Ради всего святого, она была знакома с достаточно многими из моих подружек, чтобы понять, что ты абсолютно не из тех женщин, которые мне нравятся!

Каждое его слово, слетавшее с этих соблазнительных губ, причиняло боль, но Джорджина отказывалась отступать.

– Значит... тебе не нравятся женщины, которые любят поспорить? – язвительно переспросила она. – Или тебе просто не нравятся женщины, чье мнение не совпадает с твоим? Другими словами, значит ли это, что твой интерес к противоположному полу ограничивается высоченными блондинками, чей словарный запас состоит всего из одного слова, и это слово «да»?

Матиас сложил руки на груди и разразился смехом.

– Теперь ты обвиняешь меня в поверхностности, – протянул он. – Но хочу заметить, что у меня никогда не было проблем с высоченными блондинками с ограниченным словарным запасом. Когда ты живешь в быстром ритме, меньше всего хочется, чтобы рядом оказалась докучливая пила, которая недовольна твоим опозданием на пять минут или тем, что ты забыл купить молоко.

– Что-то я сомневаюсь, что ты занимаешься такими приземленными вещами, как покупка молока.

– Да, такого не случалось с тех пор, как я в детстве работал посыльным в этой убогой лавчонке рядом с домом Берти. Конечно, после того, как мои родители решили завести

корову, покупать молоко мы стали значительно реже, — натянуто ответил он. — Но вернемся к нашему разговору. Если мать купилась на твои небылицы, тогда у нее проблемы посерьезнее депрессии. Я хочу сказать... Когда именно мы закрутили этот сладострастный, тайный роман, о котором стало известно только сейчас?

Они давно не разговаривали так долго, оставаясь наедине, и Джорджина была очарована загадочной, волнующей красотой Матиаса. Теперь она подмечала детали, которые раньше смутно отпечатались где-то в ее подсознании.

Например, глубокий серый цвет его глаз временами становился ледяным, словно замерзшие арктические пустыни, а иногда они почти что чернели и полыхали огнем. Еще ее завораживали чувственный изгиб его губ и идеальные черты лица. Не говоря уже о впечатляюще густых ресницах Матиаса, которыми он так хорошо скрывал то, что не хотел показывать миру. Он источал грешную сексуальную притягательность такой силы, что у Джорджи начинали путаться мысли, и чем больше она смотрела на него, тем быстрее забывала все, что хотела сказать ему.

Словно в былые дни, когда она мечтала об отношениях, не имевших ни одного шанса стать реальностью, ее охватило дикое волнение, которое она всегда испытывала в присутствии Матиаса. Как будто не было этого вмешательства времени... как будто Джорджи никогда не видела собственными глазами тот тип женщин, который он предпочитал, и тот,

который ему определенно не нравился. Под вторым подразумевалась она сама.

Она отвела в сторону свои непослушные глаза и сосредоточилась на точке повыше его правого плеча.

– Матиас, я близка с твоей матерью, но я не докладываю ей о каждом своем движении. Я сказала, что мы с тобой тайно встречаемся последние пару месяцев, и не хотела говорить об этом, потому что еще не успела привыкнуть к происходящему...

– Гениально. Но теперь все изменилось, потому что мы... что? Нас озарило? Уточни.

– Я просто сказала, что... мы только недавно вместе, но у нас определенно все серьезно...

– И, как я полагаю, ты не стала вдаваться в детали, потому что понадеялась на старую поговорку о том, что люди всегда поверят в то, во что хотят верить?

Джорджина густо покраснела. Ее глаза вызывающе блеснули, но она понимала, что проиграла эту битву, и Матиас ни за что не согласится подыграть ей. Ей придется вернуться в деревню, поджав хвост, и сказать Роуз, что ее так называемые серьезные отношения потерпели крах.

Вот вам и благие намерения. Вот вам и «результат оправдывает средства».

– Джорджи, ничего не получится, – вынес вердикт Матиас. – Это была бредовая идея, и, хоть я и отношусь с пониманием к тому, что это была ложь во благо, я не собираюсь

ввязываться в это дело.

Поверженная, Джорджина молча смотрела на него.

– Более того, мне не нравится то, что ты посчитала уместным втянуть меня в свой безумный план. Тебе не приходило в голову, что у меня могут быть собственные планы, которые не включают отношения с тобой, придуманные ради того, чтобы утешить мою мать?

– Нет, – искренне ответила Джорджина, потому что в то время она думала только о том, чтобы вытащить Роуз из подавленного состояния.

– А зря.

– Я просто посчитала...

– Джорджи, – оборвал ее на полуслове Матиас и поднялся с места, давая понять, что разговор окончен, – ты всегда была похожа на моих родителей. Щедрая душа, но с явным отсутствием практического гена, который иногда может показаться грубым, но он единственный, который в конечном итоге является целесообразным. А теперь, когда мы покончили с этим делом, может, попробуешь фондан?

– У меня пропал аппетит. И если под практичностью ты подразумеваешь негибамость и бесчувственность, тогда я очень рада, что родилась без этого гена, – тоже поднялась Джорджина. – Матиас Сильва, ты можешь гордиться собой, что видишь мир со своей практической точки зрения, но не факт, что это делает тебя счастливым, не так ли? Да, это делает тебя богатым, но в мире полно вещей, которые не имеют

никакого отношения к тому, сколько денег лежит на твоём банковском счете.

– Тут наши взгляды не совпадают.

Джорджина проскочила мимо него и с высоко поднятой головой направилась к выходу.

– Джорджи, ради всего святого! Ты можешь заночевать у меня.

– Не хочу.

– Хорошо. Где находится гостиница, в которой ты планировала остановиться?

– Где-то в Западном Лондоне. Я сама доберусь туда.

– Дай мне адрес, и я попрошу водителя отвезти тебя. Это будет намного удобнее, чем блуждать по метро или пытаться вычислить нужный автобус.

Она не успела возразить, потому что он быстро достал телефон из кармана и перегородил ей дорогу, чтобы она не смогла улизнуть.

Матиас сказал то, что хотел, но все равно чувствовал себя виноватым. Он знал, что Джорджи расценит его отказ как нежелание заботиться о матери. Что было очень далеко от истины. У него всегда было мало общего с родителями – он считал их идеалистичный, всеобъемлющий и легкомысленный взгляд на жизнь очаровательным, но безответственным, – но это не значило, что он по-своему не любил их.

Больше всего Матиас сожалел о том, что не смог приехать на похороны отца. Он был за границей, и все случилось чер-

товски быстро. Когда он прилетел в Корнуолл, было слишком поздно. Он так и не успел наладить отношения с отцом. Они перестали понимать друг друга давно, когда Матиас начал отдаляться от своих обожающих природу родителей, чьи взгляды на жизнь расходились с его собственными.

Из него получился плохой сын, и, хоть он старался потом загладить свою вину, делая все возможное, чтобы его мать ни в чем не нуждалась, он знал, что между ними пролегла пропасть, в чем его с давних пор укоряла эта невысокая женщина с ярко-рыжими волосами.

Только он не собирался идти у нее на поводу, потому что она даже не посоветовалась с ним, когда придумывала свой безумный план.

– Водитель будет на месте через пять минут. Что ты скажешь матери?

– Тебе не все равно? Может, я скажу ей, что заявила сюда и, к своему большому огорчению, застала тебя в постели с какой-то блондинкой.

Джорджина вздохнула. Сама виновата, что оказалась в такой ситуации. Матиас имел полное право отказать ей. В конце концов, у него была своя жизнь.

– Я не скажу этого.

– Я не сомневался.

– Потому что я настолько предсказуемая?

– Потому что ты не такой человек, – ответил он и немного помедлил. – Я заеду в Корнуолл, может быть, на следующих

выходных, и побуду там немного дольше обычного.

– Я постараюсь не попадаться тебе на глаза, – вежливо сказала Джорджина. – Это может привести к стрельбе из пушек, если нам придется делать вид, что мы тяжело переживаем разрыв и находимся во враждебных отношениях друг с другом.

Матиас взглянул на нее и неохотно улыбнулся:

– И почему тебе всегда удастся рассмешить меня, хотя мы деремся с тобой как кошка с собакой? Нет, лучше не будем об этом. Иначе ты опять начнешь ссориться со мной. Так как ты объяснишь матери, что нашему страстному роману пришел конец?

– Не знаю. Что-нибудь придумаю.

– Это была твоя идея, но виноватым в разрыве несуществующих отношений буду я. В любом случае так история будет более правдоподобной. Не думаю, что слишком разочарую свою мать.

В ее глазах промелькнуло любопытство, но он сделал вид, что ничего не заметил.

– Все по-честному. А теперь... Счастливого пути, Джорджи.

Матиас замолчал, не зная, что еще добавить.

Джорджина не стала медлить. Она без оглядки вышла из дома и села в ожидавшую ее у тротуара машину. Всю дорогу до гостиницы она утешала себя тем, что сделала все, что могла.

Добравшись до места, Джорджи приняла душ и надела коротенькую маечку и шортики, в которых обычно спала. Только ночью она не стеснялась своего тела.

Лежа в темноте, Джорджина вспоминала красивое лицо Матиаса и думала о том, что уже могла быть замужем за Робби и даже родить ребенка.

Эти воспоминания она хранила наглухо запертыми в своей голове, но сейчас они, словно дьяволята, убежали из заточения и решили немного повеселиться за ее счет. Сначала Робби сделал ей предложение, а потом она начала готовиться к свадьбе, лишь для того, чтобы за пару дней до торжества он сказал, что не сможет жениться на ней.

– Дело не в тебе! – великодушно заявил Робби, используя самое заезженное из всех выражений, которое произносили при разрыве отношений. – Дело во мне. Просто мои чувства к тебе изменились... Я не понимаю, как это случилось...

Они разошлись, и Джорджи еще несколько месяцев потом ловила на себе жалостливые взгляды.

Робби потерял интерес к ней. А может, она никогда и не нравилась ему по-настоящему? Возможно, он просто хотел угодить ее родителям, потому что был лучшим студентом ее матери.

Иногда она задавалась вопросом, не выбрала ли она его только потому, что он был полной противоположностью Матиаса. Джорджина поежилась, вспомнив, как Робби пытался призвать ее немножко похудеть. А потом, когда страсти

улеглись, она узнала, что он встретил другую и женился на ней в рекордно короткие сроки. Это была какая-то стройная худышка. С тех пор Джорджина еще с большей тщательностью прятала свое тело, которое так сильно подвело ее.

Да, это было глупо, бессмысленно. Но с каких пор в чувствах присутствовал смысл?

Она закрыла глаза и погрузилась в беспокойный сон, но через некоторое время проснулась, услышав стук в дверь.

Джорджи села в кровати, растерянно озираясь по сторонам. Затем она подошла к двери и осторожно открыла ее, зная, что их маленькая гостиница надежно заперта от непрошенных гостей. А это значило, что стучать могла только хозяйка заведения, приятная женщина лет пятидесяти.

К тому же было не так поздно. Чуть больше одиннадцати вечера. Но Джорджи чувствовала себя такой измотанной после безуспешного визита к Матиасу, что рухнула в кровать и почти сразу же уснула.

Она скользнула взглядом снизу вверх и увидела перед собой дорогие мокасины. Черные джинсы с низкой посадкой. Черный обтягивающий свитер. Мускулистое тело.

Джорджина поняла, что это Матиас, еще до того, как подняла глаза и встретила с ним взглядом.

– Джорджи,пусти меня.

– Что ты здесь делаешь?

– Нам нужно поговорить.

– Как ты вошел? Кто впустил тебя? – Она сердито посмот-

рела ему за спину в поисках виновницы. – Кто бы это ни был, он не имел права так делать!

– Она поняла, что я не стану воровать семейные реликвии. Впусти меня.

– Ты хоть знаешь, который час?

– Большинство людей до сорока пяти не спят в это время в субботу вечером. Я пришел, чтобы сказать, что произошли небольшие изменения, – неуверенно взглянул на нее Матиас.

– Думаю, это может подождать до завтра, – с громко бьющимся сердцем заявила Джорджи и, прекрасно понимая, что стоит перед ним почти что голая, хотела захлопнуть дверь. Но Матиас успел сунуть ногу в щель.

– Я понимаю, что это не самое подходящее место для разговора, но я не могу ждать до завтра. Звонила моя мать.

Джорджина помедлила, а потом, вздохнув, неохотно открыла дверь. Она предложила ему присесть, а сама метнулась в ванную, чтобы одеться.

Она прекрасно знала, что Матиас тяготеет к высоким, длинноногим и почти что бесплотным блондинкам, и понимала, что одета не более откровенно, чем большинство девушек в парке в жаркий день. Но все равно чувствовала себя ужасно, когда убегала из комнаты, прижимая к груди джинсы и футболку.

Она скрылась из вида в считанные секунды, но этого хватило, чтобы Матиас успел заметить, что тело, которое она всегда с такой тщательностью прятала, было роскошным, с из-

гибами во всех правильных местах, а ягодицы – округлой и безупречной формы, как персик. Джорджи не была полной. Она была сексуальной.

Его половые инстинкты, едва теплившиеся в последние несколько недель бурных отношений с Авой, вдруг резко пробудились, и он поспешил спрятать свою выступающую плоть в джинсах, присев на стул у окна.

– Так что ты там говорил? – вышла из ванной Джорджина, одетая в более приемлемую одежду, и примостилась на край кровати, потому что больше сесть было некуда.

– Тебе следовало отбросить свою гордость и остаться на ночь у меня. Это смешно, что некоторые люди в Лондоне называют мини-отелем. Тут негде развернуться.

– Его владелица – приятная особа. Тут дешево. Чисто. И меня не грабят. Так что сказала твоя мама?

– Во-первых, она застала меня врасплох. Было поздно, и моя мать редко звонит мне.

– Потому что ей не хочется думать, что она может потревожить тебя.

– Хочешь еще поговорить обо мне, Джорджи? Я не успел огорчить ее новостью о нашем разрыве, потому что она с ходу разразилась длинной, восторженной поздравительной речью и сообщила, что давно не была так счастлива. Она рассказала, что ты запретила ей звонить мне и просила подождать, пока мы оба приедем в Корнуолл, но она знала, что ты уехала в Лондон, и не удержалась. Еще она добавила, что

наконец ей есть для чего жить...

– Я же говорила.

– Но другое дело – услышать это из первых уст. – Он поднялся и посмотрел в окно. А потом повернулся и прислонился к подоконнику. – Ты была права. Я давно не слышал, чтобы она так радовалась. Она не давала мне слова вставить.

– Значит, ты не сказал ей, что между нами все кончено?..

– Как я мог?

– Тогда у нас небольшая проблема, не так ли? Учитывая, что ты решительно отказался притворяться ради своей матери.

– Не думай, что я одобряю то, что ты отвела мне роль, которую я не просил, – побагровев, резко бросил Матиас. – Но мы имеем то, что имеем. Мне не хватило духу сообщить ей эту ужасную новость по телефону, поэтому я решил, что мы поиграем в твою игру. Но недолго. Это невероятно, что мать поверила в придуманную тобой безумную историю, но, если это благотворно скажется на ее здоровье, я готов смириться.

Если честно, Джорджина сама удивлялась, что мать Матиаса не упала в обморок, услышав то, что она ей нагородила.

Она молча смотрела на стоявшего перед ней лощеного городского красавца и думала о том, что ей предстоит сыграть роль его подружки. Его любовницы...

– Поэтому я поехал к тебе, чтобы коротко обсудить специфику сложившейся ситуации, – по-деловому продолжил Матиас. – Что ты рассказала матери о нас?

– А это не может подождать до другого раза? – уклончиво спросила Джорджи.

– До другого раза?

– Может, мы могли бы поговорить на следующей неделе? По телефону?

– Джорджи, возвращаясь в реальность. Мать думает, что у нас с тобой роман по типу «счастливы вопреки всему», а ты предлагаешь обсудить детали наших так называемых отношений по телефону? На следующей неделе, может?

– К чему ты ведешь?

– Я хочу сказать, – холодно бросил он, – что завтра утром мы с тобой отправляемся в Корнуолл. Мать ждет нас. Когда мы доберемся туда, лучше, чтобы наши с тобой истории совпадали.

– Ты сказал, что все это ненадолго... Ты ставишь какие-то сроки?

Джорджина пожалела о том, что поддалась безумному порыву, потому что иметь дело с выдуманной ситуацией было намного легче. Даже садясь в поезд до Лондона, она не думала о том, что ей придется встретиться с Матиасом лично. С ним легче было разговаривать в мыслях. Не так страшно, и вообще...

– Да. Мы поучаствуем в этом представлении пару дней. А потом нас ждет неминуемая развязка. Скажем, что между нами слишком много различий... И это стало явным только сейчас, когда мы начали проводить так много времени вме-

сте... Я могу выкроить пару недель, а потом меня ждут важные деловые встречи за границей. Лучше, чтобы все закончилось до моего отъезда.

– Пару недель... – У нее возникло такое чувство, что она прыгнула в кабинку американских горок и обнаружила, что все закрутилось намного быстрее, чем она ожидала.

– Не думаю, что тут возникнут какие-то проблемы.

– Но состояние твоей мамы может снова ухудшиться, если она узнает о нашем внезапном разрыве.

– О чем тебе следовало подумать до того, как тебя осенила такая гениальная идея. Мы обсудим этот вопрос по дороге в Корнуолл, но основные детали лучше уточнить сейчас. Я буду заниматься делами большую часть поездки.

– Ты будешь работать и вести машину?

– Джорджи, конечно нет! Нас повезет мой водитель, и я буду работать на заднем сиденье. Ты можешь захватить с собой книгу или вязанье, короче, что-нибудь, что поможет тебе скоротать дорогу. И попутно мы обговорим историю нашего романа, чтобы она выглядела правдоподобной в глазах моей матери.

Он посмотрел на нее своими чарующими глазами, и у нее возникло странное чувство свободного падения. Джорджи перевела взгляд на его губы, а потом поспешно отвела глаза. Она нервно облизнула губы и начала говорить какую-то чушь о ждавшей ее работе.

– Хорошо, – ответил Матиас, когда она закончила. – Как

получилось, что мы за такой короткий промежуток времени перенесли из зоны боевых действий в спальню?

– Я не обмозговала детали, – призналась Джорджина. – Наверное, мы можем сказать что-то вроде того, что противоположности притягиваются. Ты ведь встречаешься с женщинами, у которых нет ничего общего с тобой.

– Так же как и с тобой. Не считая того, что у меня не было серьезных отношений ни с одной из них, таких, какие предположительно есть у нас...

– Я поддалась порыву, – едва слышно выдавила она. – В другой раз я бы никогда не стала обманывать человека, но тут на меня что-то нашло. Я даже не подумала о том, насколько неправдоподобно звучит то, что мы с тобой встречаемся. Извини. Я загнала тебя в угол, втянув в это дело, и ты имеешь полное право злиться на меня.

– Забудь об этом.

– Мне не приходило в голову, что ты можешь встречаться с кем-то... с одной из своих чокнутых блондинок...

– Ты была настолько поглощена тем, чтобы поднять настроение моей матери, что перестала соображать?

– Что-то вроде того.

– Значит, это очень хорошо, что теперь я буду следить за тем, чтобы подобное больше не повторилось. Мы будем делать то, что необходимо, и не переходить черту.

– В смысле? – машинально ошетибилась Джорджина.

Матиас молчал добрых несколько секунд. Перед его гла-

зами вдруг возникло это соблазнительное тело, о котором он даже не догадывался, потому что Джорджи так умело прятала его под мешковатыми вещами. Его снова охватило возбуждение, и он сердито поморщился.

– Мы не будем забывать, что у нас ненастоящие отношения...

Он ни за что не поддастся этому невесть откуда взявшемуся влечению. Ведь Джорджина Уайт предпочитала серьезные отношения. Когда-то она была помолвлена, а потом ее бросили почти перед самой свадьбой. Правда, это не значило, что она перестала мечтать о настоящей любви. Такова была ее натура. Но ей уже один раз разбили сердце, и Матиас не собирался причинять ей боль еще раз, уступив желанию, охватившему его, когда он увидел ее в этой откровенной пижамке.

– Я не забуду, – натянуто бросила Джорджина. – И я еще раз извиняюсь за то, что втянула тебя в это дело. Твоя жизнь настолько упорядочена, что эта ситуация наверняка кажется тебе сущим кошмаром.

– И почему за этим невинным замечанием я чувствую скрытое оскорбление? – протянул Матиас, рассеянно глядя на ее губы и впервые в жизни заметив их идеальную форму. Они были похожи на бутоны роз цвета раздавленной малины. Удивительно, что он не замечал этого раньше... – Я не буду тратить время на сожаления по поводу того, что ты наделала. Не вижу смысла. Сейчас нужно думать о том, что мы

вместе оказались в этой ситуации, образно говоря, в горе и радости.

– Я совсем не подумала, какотреагирует твоя мать, когда все это... развалится, – встревоженно посмотрела на него Джорджина.

– Это нам еще предстоит узнать, когда придет время. Ты забегаешь вперед. С ней все будет хорошо. По крайней мере, когда все закончится, она будет знать, что я способен состоять в отношениях с женщиной, не одержимой своим внешним видом.

– Пока ты не вернешься к своим блондинкам модельного типа, – рассеянно брякнула она.

Он криво ухмыльнулся, и ее сердечко затрепетало. Она всегда знала, каким красивым был Матиас. Но только теперь, ввиду сложившейся ситуации, в голове Джорджины завертелись запретные мысли. Ящик Пандоры открылся, и она вдруг подумала, как может выглядеть подтянутое, мускулистое тело Матиаса без одежды. Но тут же себя одернула. В конце концов, она давно повзрослела! И, как холодно подчеркнул Матиас, их отношения были всего лишь выдумкой, не имеющей никакого отношения к реальности.

– Возможно, в следующий раз я выберу себе подружку другого типа.

Он поднялся с места, потянулся, а потом направился к двери.

– А как насчет деталей, о которых ты говорил? Ты вроде

как бросился сюда, чтобы устранить противоречия, потому что завтра в машине будешь заниматься своими делами?

Матиас взялся за дверную ручку и, обернувшись, задумчиво посмотрел на Джорджину.

– Ты попросила показать тебе дом, чтобы потом было чем подкрепить миф о том, что мы тайно встречаемся, иначе было бы странно, если бы мать спросила, где я живу, а ты не могла ничего вспомнить?

Джорджина густо покраснела и смущенно кивнула, вызвав громкий смех Матиаса.

– Джорджи, ты та еще штучка. – Он молча разглядывал ее, пока жар не залил ее с головы до ног. – Я определенно впервые сталкиваюсь с подобным экземпляром.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.